

Дионмарк

12+

Земля-Союз

Дионмарк Земля-Союз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63972493

SelfPub; 2021

Аннотация

На что способен человек ради спасения своей расы? Когда миллиарды жизней в твоих руках, готов ли ты совершить подвиг и остаться в неизвестности? И вообще, есть ли ещё место в будущем для настоящего подвига?..

Дионмарк

Земля-Союз

1

428536-ая песня на всю громкость заиграла в динамиках. Трек «Lithium» Нирваны. Средняя длительность композиций около 3 минут, и путем арифметического сложения легко подсчитать, что прошло 892 дня. Оставалось послушать чуть больше 500.000 музыкальных композиций и ещё 1000 дней добавится в общую копилку. 5,5 лет будет длиться общий цикл непрерывного музицирования, которое придётся вынести Артуру – капитану межгалактического корабля «Земля-Союз». Надо сказать, что половина срока прошла почти без последствий, не считая того, что хотелось выключить колонки, расположенные во всех отсеках корабля.

Решение выгрузить сознание человека в «цифру» и поместить в компьютер, отвечающий за состояние звездолета, была встречена населением на «ура». А как иначе? Шанс на спасение человечества был один – уйти в гиперпрыжок и «убежать» от убийственной волны, разрушающей на своём пути планеты и галактики... Таковы правила Вселенной – та звезда, которая породила жизнь на планете Земля, принесла смерть всему живому... И только Человек нашёл способ нарушить этот вселенский закон и бросить вызов Великой Бездне. Сверхвзрыв Солнца, который произошёл, по идее, дол-

жен был уничтожить всё живое в Солнечной системе, а также соседствующие Галактики Рукава Ориона, Рукава Персея и Рукава Стрельца, если, конечно же, в этих галактиках что-то было живое. Перед этой вселенской бедой все страны планеты сплотились в одном масштабном строительстве гигантского корабля «Земля-Союз», длиной в 120 километров, а высотой в 30.

Этот ковчег строился в открытом космосе почти 50 лет, тысячи лучших умов человечества участвовали в этом спасительном проекте. Надо было построить герметичный и грандиозный объект, с системой обеспечения для нескольких миллиардов населения, которое будет пребывать в пятилетнем, а возможно и в шестилетнем анабиозе. Галактика Андромеды – конечная цель бегства Человечества из родного Млечного Пути, приговорённого к полному уничтожению после сверхвзрыва Солнца. Сотни термоядерных двигателей вполне могли разогнать корабль до прыжка в гиперпространство, но вот возникла одна проблема: никакой живой организм не смог бы выжить во время этого гиперпрыжка. А надо было ещё привести систему торможения в рабочее состояние, конечно же, компьютер можно было задействовать в этот процесс, но тогда возникала другая проблема. Если бы всё население корабля вышло бы из анабиоза, то не прошло бы и нескольких дней, как люди бы стали погибать от голода и жажды, ибо количество ресурсов на складах было ограничено. Почти всё свободное пространство корабля использо-

валось под расположение капсул со спящей разумной жизнью Земли и транспортных грузовых челноков. Только мыслящий организм мог понять, когда бы подошло время выключения анабиоза и вывода человечества из сна. Главные условия для этого: звезда, планетарная система вокруг неё и обязательно – наличие атмосферы у одной из планет, приближённой к Земле. Без разумных решений в управлении кораблём не обойтись, и тут одним гением была придумана оцифровка человеческого разума. Правда, в этом случае тело этого смельчака уничтожалось, и обратный ход был невозможен.

Именно на треке «Нирваны» Артур почувствовал жжение в корпусе «Земля-Союз» в районе, где располагался 83-й двигатель. Проанализировав обстановку датчиками и сопоставив данные, капитан разобрал ошибку кодировки этого «движка» – он брал лишнюю нагрузку, а это значило только одно – в любой момент мог произойти термоядерный взрыв. Конечно же, корабль не сбился бы с курса и выдержал бы эту напасть, но тогда одна жилая секция с капсулами вылетела бы в открытый космос – а это почти двести миллионов мирно спящих людей. Бах! И мментальная смерть. Нет! Такого допустить было нельзя!

– А если выйти из гиперпрыжка? – мелькнула абсурдная мысль. – И попробовать прервать питание двигателя?

Просчитав время полёта и скорость смертельной волны, летящей позади «Земли-Союза», Артур понял, что в запасе

неделя на решение этой проблемы. Иначе всепожирающая огненная смерть поглотит корабль, и тогда наступит конец человеческой расы... Но неделя всё же была...

– Отдать швартовый! – сам с собой пошутил Артур, по электроцепочкам подавая сигнал остановки в систему термоядерных двигателей. 237 двигателей стали «затухать», завопила аварийная звуковая система во всём корабле и одновременно зажглось освещение в отсеках и помещениях. Капитан перевёл своё внимание в трансляторы, направленные в открытый космос – не часто можно было понаблюдать, как окружающий сплошной световой фон гиперпрыжка замедлится, и появятся сначала световые полосы, а потом и настоящие звёзды. – Красотища!.. Жаль, что никто больше этого не видит... Хотя, записи сделаю, потом они посмотрят, в своё время, если долетим... Двести тридцать семь... Нда...

Что-то в сознании ёкнуло, но Артур замороженно смотрел на звёзды, останавливающиеся вокруг «Земли-Союза»... – 237... вот чёрт!

До капитана дошло: повреждённый двигатель продолжал работать, не реагируя на сигнал «стоп»... А это значит, что он вступил в термоядерную, бесконтрольную реакцию, и взрыв был неизбежен. Надо было срочно откидывать движок номер восемьдесят три, и это тоже предусмотрел какой-то вундеркинд-физик, снабдив крепления устройствами катапультирования. Загорелись лампы на капитанском пульте управления. Антон, не теряя времени, стал вводить па-

роль, одновременно анализируя через дикуляр снимки горящего двигателя в цветовом температурном спектре. Две тысячи сто тридцать градусов по Цельсию, до взрыва оставалось набрать триста градусов, то есть, в запасе оставалось три часа.

Если бы у капитана было тело, оно бы взмокло от напряжения. Слишком большая ответственность лежала на виртуальных плечах.

– Катастрофа!.. – запаниковал Артур, увидев через внешнюю камеру, как три капсулы взорвались в устройстве крепления двигателя, и он не катапультировался от корабля. Приблизив изображение, капитан разобрал причину: один из болтов от высокой температуры расплавился, получилась незапланированная плазменная сварка с корпусом «Земля-Союз».

Оставалось три часа до двухсот миллионов смертей, учитывая общее количество разумной жизни – это лишь потеря малой части людей на корабле, но легче от этого капитану не становилось. Понятно, как компьютер решил бы эту проблему... Но Артур Стоун был прежде всего человеком, хоть и человеческого в нём практически ничего не осталось, не считая мыслей и воспоминаний о той, далёкой жизни. Поэтому капитан нарушил все существующие должностные инструкции ради спасения пассажиров своего корабля...

– Бууууу... – из гортани Михаила Комарова выплеснулись остатки густой голубой жидкости. Боль во всем теле и яркий свет, ударивший в глаза – первое, что почувствовал он, не понимая при этом, где находится. Фредди Меркьюри во весь голос пел свой «Champions». – Что... тут... ммм... происходит?..

Через зубы прошипел вопрос Михаил, а ещё было мокро и холодно, его трясло...

– Михаил Комаров! Это говорит капитан корабля Артур Стоун, – услышал строгий голос Михаил. Наконец, глаза стали привыкать, с удивлением он увидел себя, лежащего в густой голубой жиже, и при этом голого. – Вы находитесь на межзвёздном корабле «Земля-Союз», вами подписан контракт с нами, и вы являетесь нашим техником-ядерщиком. Прошу пройти к панельной зоне, принять питательный коктейль для восстановления своих сил и одеться в рабочую одежду!..

– Какого... – Михаил сплюнул остатки оставшегося во рту геля и попытался приподняться. С мерзким хлопанием техник заскользил по мокрому полу – руки-ноги разъехались в разные стороны. В голове закрутились смутные воспоминания: лица знакомых, родственников и друзей; пассажирский челнок, в который тысячами набиваются люди; дикая жара из-за сошедшего с ума солнца, особенно в последний год существования родной планеты; паника населения и попытка правительства систематизировать погрузку «Земли-Союза».

И капсулы, миллионы и миллионы капсул, в которые ложатся мужчины, женщины, дети и старики. По всем секциям плач, стоны и многоязычный говор... Тысячи и тысячи медработников в поте лица, вкалывая на износ, вводят в анабиоз людей, потому что времени остаётся всё меньше. Всё, как в кошмарном сне. Он с командой коллег-техников работает в открытом космосе, проверяя работу двигателей, находящихся на прогреве перед стартом...

– Приказываю незамедлительно пройти к панели... Михаил... Пожалуйста... – в металлическом голосе капитана Михаил услышал настоящий страх – происходило что-то неординарное. Это подействовало отрезвляюще.

– Сейчас, сэр... – почти выплыл из голубой жижи Михаил и на этот раз, на более-менее чистом полу, ему удалось встать на колени. – Мы что, уже долетели?... Уфф...

Выдохнув, техник поднялся на ноги и на дрожащих коленках пошёл к панели, вспоминая техническую рубку, в которой расположились 250 капсул рабочего персонала корабля. Именно они должны были первыми выйти из анабиоза для подготовки грузовых и пассажирских челноков к погрузке и высадке на новую планету.

– Что-то я не понимаю, – Михаил схватил пластиковую бутылку с питательным веществом, появившуюся из подвижной панели. Из двухсот пятидесяти саркофагов был открыт только один – и это была его капсула. Теперь уже пели Битлы, всё вокруг смахивало на абсурдный мюзикл с ретро-

песенками пятисотлетней давности. – Почему я один? Мы прилетели?

– Нет, Михаил... – перед техником появилась голограмма Артура Стоуна при полном параде, со всеми своими генеральскими рюшечками на плечах, груди и капитанской фуражке. Михаил что-то там слышал про странную оцифровку сознания капитана, но особо глубоко над этим не задумывался. Капитан корабля был самим кораблём, ну или что-то такое подобное. – Мы на полпути к галактике Андромеды...

– Что за глупость? Зачем вы меня разбудили? – сделав глотки из бутылки, Михаил почувствовал, как сознание проясняется, а конечности наливаются силой.

– Мне нужна твоя помощь, Михаил... точнее, нам всем нужна твоя помощь... – голограмма капитана пропала, и на её месте появилось изображение горящего термоядерного двигателя на фоне выключенных других. – Произошёл сбой работы двигателя, теперь он бесконтрольно вступил в термоядерную реакцию, и через два с половиной часа произойдёт взрыв...

– Это же бред, такого не может быть, – до Михаила начала доходить суть происходящего. Обтерев себя полотенцем, он кинул его под ноги и вытащил свёрнутую рабочую робу. – Если мы на половине пути, почему мы не в гиперпрыжке?

– Я остановил двигатели...

– Чего? – выкрикнул Михаил, представляя, какому риску подвергает капитан ковчег, – но нас же может застигнуть

волна?

– Да, может! У нас с тобой неделя до волны, и два часа... и уже восемнадцать минут, когда произойдёт термоядерный взрыв на корабле. Двести миллионов людей погибнут за пару минут. Мне нужна твоя физическая помощь, солдат... От тебя зависит жизнь этих людей.

– Чёрт возьми... чёрт возьми... я же не солдат, – по спине Михаила пробежал холодок от плохого предчувствия. Техник стал впопыхах напяливать на себя комбинезон. – Какой двигатель?

– Восемьдесят третий... Девятнадцать километров от технической рубки. Нам надо торопиться, Михаил!

– Понятно, чёрт возьми, капитан, выключи эту иностранщину, с ума можно сойти. Включи что-нибудь моё, русское... Вот, отлично! – в колонках запел мужской бас про какую-то группу крови, ну хоть что-то смутно знакомое. Михаил обулся и побежал в технический ангар. Там находились тяжёлые экзоскелеты-скафандры для работы в открытом космосе.

3

– Стоун, слушай, как ты? Без рук, без ног... да, блин, как ты вообще без тела? – Михаил сейчас летел вдоль корпуса в экзоскелете, сопла из реактора за спиной скафандра были направлены в противоположную сторону от полёта.

– Вот так! Теперь я как бы гигантская гусеница, чувствую

себя всем кораблём... даже слова не могу подобрать, – встроенных в скафандре динамиках скрипел голос капитана, – необычное ощущение... Иногда я забываю, что был человеком и думать начинаю оцифрованно, прислушиваясь к каждой капсуле, анализируя состояние людей, а ещё могу одновременно смотреть во все видеокамеры, рассчитываю траекторию полёта. И с каждым прошедшим днём забываю, что я был когда-то человеком... Станный этот симбиоз компьютера, разума и корабля.

– Жесть! А это правда, что теперь ты никогда не сможешь стать обратно человеком? – передёрнул плечами Михаил, с трудом представляя этот самый «симбиоз», попахивало чем-то неестественным и отвратительным. Оставалось пролететь километров пять до места аварии. Вокруг был красивейший вид космоса и мощь человеческого разума, в воплощении этого гигантского корабля, уходящего вдаль – конца и края не было видно этому грандиозному строению, освещаемому искусственными огнями, очень напоминающему новогоднюю ёлку... очень большую ёлку.

– Да! Кто-то должен был на это пойти...

– Да я это понимаю, но это же ужас, если вдуматься. А зачем ты постоянно слушаешь музыку? Так же может крышу конкретно снести?

– Наоборот, именно музыка мне напоминает, что я человек. Когда ты одновременно анализируешь миллиарды функций работы корабля, точнее, анализирует компьютер,

но ты с ним – единое целое, то человеческое сознание вымы-
вается... сложно это всё объяснить, но именно музыка от-
влекает меня от полного поглощения моего разума компью-
тером. Сейчас вот я с тобой разговариваю, и это меня тоже
приводит в тонус... понимаешь? Три с половиной года я в
одиночестве лечу в открытом космосе.

– Мне кажется, я понимаю... – почему-то Михаил вспом-
нил давно прочитанную книгу про Робинзона Крузо и его
друга, Пятницу. И этой Пятницей для капитана была музы-
ка, а сейчас он. И что потом? Что-то забытое про анабиоз в
голове кружилось, но не хотелось об этом думать. – Ну, что
там со временем?

– Двадцать минут остаётся до взрыва. Надо поторопиться!

– Успеем, капитан, – в руках Михаил держал импульсный
плазмод и на нём загорелись зелёные диоды – оружие было
готово к прицельному выстрелу. – Стоун, а у тебя дети, жена
есть?

– Были... Они отдыхали на Майами и загорали на пляже,
когда пришёл первый удар... Погибли на третий день, очень
мучительно умирали от ожогов.

– Прости, Стоун, сочувствую... А мои в восьмом отсеке:
Светка – моя жёнушка и две дочки-близняшки, Алёнка и
Оленька. Я бы не перенёс их смерть, не дай бог. – Михаил
уже видел этот злополучный двигатель. И в самом деле, он
светился как небольшое солнце, даже сквозь защитное стек-
ло скафандра чувствовался жар. “Анабиоз”... что-то там эти

профессора вякали про гиперсон? – Капитан, слушай, а что там про анабиоз было? Вроде как повторно нельзя ввести человека в этот чёртов сон? Или это мне приснилось?..

Капитан не ответил. “Значит, это не приснилось,” – дошло до Михаила. Он взмок – защита не спасала от высокой температуры, исходящей от трёхэтажного огненного шара. Алёна... Оля... долгожданные малышки сейчас мирно спали в своих капсулах и, наверно, видели добрые сны, и где-то рядом любимая жена, с ямочкой на правой щеке... именно туда Михаил любил её целовать. С каждым метром становилось всё обидней и горче, почему именно ОН?

– Знаешь, Стоун... Однажды мы пошли на горку кататься, это, наверное, была последняя снежная зима, не помню точно... Ну, так вот, у нас была гигантская ледянка, и мы в неё вчетвером умудрились как-то сесть... Естественно, мы перевернулись в конце и оказались в сугробе. Ничего не сломали и не повредили себе, слава богу... Но мы потом стояли, обсыпанные холодным снегом, и смеялись, как сумасшедшие. Ты представить себе не можешь, каким я был в тот день счастливым. – Михаил остановился, не долетев метров двадцать до креплений двигателя, ближе приблизиться было уже нельзя из-за жара. Он чувствовал, как кожа почти горела, несмотря на окружающий холод космоса и высокотемпературный материал своего скафандра. Направив плазмоид в удерживающий двигатель, жёлтый от перегрева, навар металла, где когда-то было болтовое соединение, Комаров на-

жал на «пуск». Яркий ступок энергии вылетел из орудия, и «навар» с хлопком взорвался. Михаил почувствовал ударную волну, но удержаться на месте удалось, благо, ноги были вставлены в технические скобы на поверхности корабля. Медленно, огненный шар стал отделяться от корпуса «Земли-Союза» и лениво отлетать в открытый космос.

– Михаил, ты сделал это! Дорогой мой, прости, но у меня не было другого выхода, двести миллионов людей...

– Стоун, кончай! Ты же должен быть камнем! Одно тебя прошу: довези моих детей и жену... спаси их, я тебя заклинаю! – договорив, Михаил оттолкнулся от корпуса корабля, открыл фрамугу скафандра и полетел вслед за двигателем.

– Я всех довезу, Михаил! Спасибо, друг... – прежде чем задохнуться, Комаров услышал из динамиков последние слова капитана...

*

*

*

*

Светлана Комарова... Алёна Комарова... Ольга Комарова... Выдвижная камера нашла этих людей, и сейчас капитан смотрел на их лица сквозь стёкла иллюминаторов и слой голубой гели. А девочки были очень похожи на Михаила. Он даже представил их, хохочущих, в снегу и счастливыми вместе с отцом... Когда-то и он был счастлив, очень давно...

Двигатели на разогреве и готовы к пуску – пора было набирать скорость! Музыка не играла уже три часа, с той минуты, как Михаил решил за капитана страшную и убийствен-

ную задачу. Всё! Траур закончен! Заиграла 428618-ая музыкальная композиция из 24-го века от Рождества Христова. Сопли в сторону, на борту миллиарды пассажиров, и их надо доставить в пункт назначения... Чего бы это ни стоило!

23.05.2020